

Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ

1813-го и 14-го года, собранные по поводу столѣтней
годовщины.

I.

Насколько изслѣдована исторія походовъ 1813—14 г.г. и участие въ нихъ русской арміи съ военно-стратегической и тактической стороны, насколько, сравнительно, все еще недостаточно ярко освѣщены психико-бытовья, а отчасти и политическія условія, при которыхъ совершались и разыгрывались событія въ періодъ войнъ, имѣуемыхъ въ Германіи *освободительными* и послѣдовавшими непосредственно за изгнаніемъ великой наполеоновской арміи изъ предѣловъ Россіи. Замѣтное отсутствіе съ нашей, русской стороны, въ предпринятыхъ грандіозныхъ походахъ, преслѣдовавшихъ цѣль спасти Европу и перекроить вновь всю изрѣзанную мечемъ Наполеона географическую карту стараго свѣта, тщательно выработаннаго плана, не отступавшаго ни на толщѣ волоска отъ заранѣе намѣченныхъ предначертаній въ смыслѣ охраненія жизненныхъ интересовъ родной страны; это отразилось, какъ легко можно доказать, сугубо пагубнымъ образомъ на всемъ политико-экономическомъ складѣ и дальнѣйшемъ культурномъ развитіи нашего громаднаго государственнаго организма. Не вдаваясь въ детальное разсмотрѣніе всѣхъ собранныхъ на различныхъ европейскихъ языкахъ цѣнныхъ матеріаловъ, касающихся описанія наиболее выдающихся событій этой знаменательной эпохи, приходишь къ невольному выводу, что первенствующее во всѣхъ

отношеніяхъ участіе Россіи въ означенномъ, и до той поры еще не бываломъ по своимъ гигантскимъ размѣрамъ военномъ предпріятіи, стоившемъ сотни тысячъ жизней сынамъ отечества, носило, до извѣстной степени, всѣ характерныя признаки величайшей, но бесплодной въ своемъ конечномъ исходѣ, авантюры, способной зародиться развѣ только въ головѣ ламанческаго рыцаря-героя, выведеннаго въ безсмертной поэмѣ Сервантеса.

Если иностранная лѣтопись усиленно подчеркивала то обстоятельство, что союзныя съ Россіей державы ставили въ борьбѣ за независимость и все свое существованіе на карту, въ силу чего онѣ-де и въ правѣ были требовать значительно повышеннаго вознагражденія, то такой резонъ поконился скорѣе на коммерческо-гражданскомъ и даже этическомъ доводѣ, но отнюдь не на политическомъ. *Послѣдній зиждется безспорно лишь на соответствующемъ равновѣсіи между тѣмъ, что государство стремится затолкнуть, и тѣмъ, чего оно можетъ достигнуть въ случаѣ надобности силой!* Разсчитывать же заранѣе на великодушіе и уступчивость сентиментально настроеннаго союзника, онѣ не могли, а потому всѣ позднѣйшія сѣтованія и упреки, что при дѣлежѣ добычи на Вѣнскомъ конгрессѣ ихъ обсчитали, ни на чемъ не основаны; *напротивъ, они получили гораздо больше, нежели имѣли на то право!* Количество принесенныхъ на алтарь отечества жертвъ не имѣетъ силы предъявляемаго къ уплатѣ векселя на полученіе, соразмѣрно этимъ жертвамъ, вознагражденія. Рѣшающимъ факторомъ въ этихъ вопросахъ была, есть и будетъ впредь всегда только военная мощь государства.

Въ длительной кампаніи 1813—14 года Россія, или, выражаясь точнѣе, Императоръ *Александръ I* проявилъ наибольшую стойкость, а пожалуй и упрямство, въ преслѣдованіи заранѣе намѣченной имъ конечной цѣли. Но устремленный его, словно подъ гипнотическимъ внушеніемъ, взоръ въ даль, гдѣ вырисовывалась характерная легендарная фигура его геніальнаго противника, онъ не замѣчалъ, или не могъ замѣтить, всего того, что творилось на болѣе близкомъ разстояніи и непосредственно вокругъ его самого. На сколько русскій Государь интеллектуально возвышался надъ своими главными союзниками, королемъ *Фридрихомъ Вильгельмомъ III* и императоромъ Францемъ I, настолько уступалъ его первый officialный совѣтникъ и руководитель въ дѣлахъ внѣшней политики, *графъ Нессельроде*, своимъ коллегамъ: князю *Меттерниху* и князю *Гарденбергу*. Въ сравненіи съ ними и ихъ умѣньемъ пользоваться случаемъ для извлеченія какихъ-либо политическихъ выгодъ, онъ казался мѣшковатымъ, индиф-

ферентнымъ. Впрочемъ винить особенно графа *Нессельроде* въ томъ, что онъ не отстаивалъ энергично интересы Россіи, едва-ли справедливо, потому что *Александръ I* самъ рѣшалъ всѣ важнѣйшіе политическіе вопросы. Въ чисто германскихъ дѣлахъ онъ пользовался совѣтами и указаніями барона *Штейна*, который и настаивалъ на принужденіи прусскаго правительства войти въ соглашеніе съ Россіей и заключить съ ней союзъ противъ *Наполеона*. *Штейну*, по всей вѣроятности, не трудно было убѣдить русскаго царя въ неизбѣжномъ соглашеніи прусскаго короля принять исходящія изъ главной русской квартиры предложенія. Въ случаѣ отказа можно было ожидать, что во всей прусской монархіи вспыхнетъ если и не открытое возстаніе, то настолько сильное неудовольствіе народа и войска, что послѣднее перешло бы и безъ санкцій короля на сторону пришедшихъ съ востока избавителей отъ французской тиранніи. При подобныхъ обстоятельствахъ заключеніе формальнаго договора между обоими государствами въ Калишѣ 28 февраля являлось со стороны прусскаго короля лишь актомъ самоохраненія и страхованія отъ чрезмерной вспышки народнаго негодованія. За шесть дней до подписанія условій союзу, король *Фридрихъ Вильгельмъ III* покинулъ свою главную резиденцію Берлинъ и переехалъ со всѣмъ дворомъ въ болѣе безопасный Бреславль, откуда затѣмъ и выпустилъ воззваніе къ своему народу.

Тѣмъ временемъ Кутузовъ готовилъ въ Калишѣ армію для наступленія и быстрого вторженія, ближайшимъ путемъ, въ центральныя области Германіи, дабы сразу развѣдинить сообщеніе Франціи съ государствами Рейнскаго союза и привлечь ихъ на сторону коалиціи противъ *Наполеона*. Кругомъ Калиша сосредоточено было для этой цѣли уже 70.000 человекъ подъ начальствомъ *Милорадовича*, но Кутузовъ все еще не рѣшался двинуться раньше апрѣля мѣсяца. Причиной такого замедленія являлось опасеніе главнокомандующаго за тѣмъ своей арміи. Охрана линіи сообщенія съ ея отдаленной базой представляла большія затрудненія въ виду ходившихъ уже съ конца января въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ упорныхъ слуховъ о намѣреніи поляковъ учинить повсемѣстно вооруженное возстаніе. Въ мартѣ эти слухи приняли уже болѣе конкретную форму въ смыслѣ вѣроятнаго и неизбѣжнаго событія. Русскія военныя власти стали получать анонимныя, тайныя донесенія о *готовившейся во востокъ польскихъ областей „Варшавской ночи“*, предназначенной для поголовнаго избиенія восточныхъ русскихъ, нѣмцевъ и евреевъ. Былъ назначенъ и день, вѣрнѣе сказать, ночь кровавой расправы,

при чемъ выборъ палъ на ночь между пятницею и субботою на страстной недѣль! Получивъ всѣ эти и множество еще другихъ указаній, русскія власти принялись энергично за тщательную провѣрку всѣхъ сообщеній, при чемъ выяснилось, что душою предстоящаго предательскаго нападенія являлся никто иной какъ гулявшій за все время оккупациі Варшавы русскими войсками на свободѣ, пресловутый сапожникъ Янъ Килимскій, учинившій уже въ 1794 году въ Варшавѣ извѣстную варварски предательскую рѣзню русскихъ солдатъ, мирно спавшихъ и не чаявшихъ коварнаго ночнаго нападенія. *Килимскаю* немедленно арестовали, послѣ чего всѣ слухи сразу замолкли, а съ ними вмѣстѣ и дальнѣйшія опасенія, быть можетъ, и преувеличенныя ¹⁾. Вообще польское населеніе не скрывало своей лютой вражды къ русскимъ и пруссакамъ. Когда же появились въ Варшавѣ, Краковѣ, Познани и другихъ польскихъ центрахъ парижскія газеты, въ которыхъ передавалось, что императоръ Наполеонъ I рѣшилъ свергнуть династію Голленцолерновъ съ престола, присоединить Восточную Пруссію къ Польшѣ, а королю ея назначить маршала Помятовскаю, то волненія во всемъ краѣ приняла угрожающіе размѣры и *Кутузовъ* вынужденъ былъ считаться съ настроеніемъ народа, готоваго каждую минуту ринуться съ ножомъ въ рукахъ на повернувшихся къ нему спиной русскихъ.

Кампанія 1813 года отражалась далеко не одинаково въ темпераментѣ, возрѣніяхъ и психикѣ участвовавшихъ въ ней народовъ. Русскіе были замѣтно утомлены предыдущимъ походомъ 1812 года, слишкомъ ужаснымъ, чтобы скоро забыть его; они не чувствовали того воодушевленія, какъ сражавшіеся за свою независимость пруссаки и другія германскія племена. Поляки горѣли ненавистью и злобой къ своимъ противникамъ; французы мечтали только о реваншѣ за пораженіе, понесенное на поляхъ Россіи. У всѣхъ, за исключеніемъ только русскихъ, замѣчалось усиленное раздраженіе противъ врага. Такъ у Наполеона I оно выразилось, напримѣръ, въ слѣдующемъ грозномъ приказѣ вице-королю Италіи *Еженію Богарне*, находившемуся съ незначительными силами по обоимъ берегамъ Эльбы отъ 5-го марта: „A la moindre insulte d'une ville, d'un village prussien, faite le brûler, fût-ce même Berlin, s'il se comporte mal“ ²⁾. (При

¹⁾ Изъ донесеній уполномоченнаго прусскаго правительства при Варшавскомъ великомъ герцогствѣ, тайнаго совѣтника *Цербони ди Спозетти* шефъ-президенту Восточной Пруссіи фонъ-Ауэрсвальду. (Кенигсбергскій королевскій государственный архивъ).

²⁾ Изъ Парижскаго „*Moniteur officiel*“.

малѣйшемъ оскорбленіи или нападеніи на васъ со стороны ка-кого-либо прусскаго города или деревни, сожгите ихъ, хотя бы это коснулось даже самаго Берлина, въ случаѣ его дурного поведенія). Въ этомъ, похожемъ на бѣшеное рычаніе льва, приказѣ нельзя признать проявленія большого разума, онъ продиктованъ черевмѣрной нервностью и озлобленіемъ. На жителей Пруссіи произвелъ онъ впечатлѣніе, способствовавшее лишь ихъ объединенію въ единственно пламенномъ желаніи побѣдить врага во что бы то ни стало или пасть съ честью.

Подогрѣвать энтузіазмъ противника, доводить его и безъ того твердую рѣшимость сражаться съ напряженіемъ всѣхъ силъ до отчаянія, посредствомъ необдуманныхъ угрозъ, вещь крайне рискованная; палка можетъ ударить обратнымъ концомъ и самого грозящаго. Въ прежнихъ приказахъ *Наполеона* ничего подобнаго не встрѣчалось, онъ не извѣщалъ, идучи на рать, о намѣреніи варварски расправляться съ жителями, преисполненными патріотическихъ чувствъ. Изъ трудовъ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ военныхъ исторіографовъ читатели хорошо знакомы съ хронологическимъ, стратегическимъ и дипломатическимъ ходомъ кампаніи 1813—14 года, такъ что эта часть, не входитъ, какъ уже отмѣчено вначалѣ, въ кругъ нашего болѣе исторически-бытового изслѣдованія событій приснопамятной эпохи. Извѣстно также, что выдвинутые черевмѣрно впередъ, вначалѣ кампаніи, сравнительно слабыя русскіе отряды вынуждены были послѣ блестящихъ, но не имѣвшихъ серьезнаго значенія дѣлъ, отступить и ждать подкрѣпленій.

11-го марта былъ занятъ Берлинъ *Витенштейномъ*. Здѣсь встрѣтили русскихъ съ такимъ искреннимъ энтузіазмомъ, осыпая ихъ всевозможными знаками признательности и восторга, что многіе изъ нашихъ закопченныхъ пороховымъ дымомъ и закаленныхъ въ безчисленныхъ бояхъ сѣрыхъ героев плакали отъ умиленія. Жители Берлина поняли и оцѣнили гораздо лучше своихъ согражданъ въ Восточной Пруссіи заслуги Россіи и храбрыхъ сыновъ ея въ дѣлѣ хотя еще лишь предстоящаго, но неминуемаго освобожденія отъ невыносимой тиранніи *Наполеона*. Въ столицѣ прусской монархіи русскія войска были впервые приняты и отблагодарены, какъ они этого вполнѣ заслуживали. Обрадованные обыватели старались наперерывъ выказывать этимъ оборваннымъ, столь страшнымъ на видъ, но въ сущности крайне добродушнымъ богатырямъ, свое расположеніе. Особенную сенсацію произвелъ одинъ престарѣлый, но еще очень бодрый казакъ, державшій передъ собой на сѣдлѣ 12 лѣтняго мальчика,

своего внука. Оказалось, что казакъ этотъ участвовалъ уже при вступленіи русской арміи въ Берлинъ, во время семилѣтней войны въ 1760 году, послѣ бомбардированія русскимъ генераломъ Тотлебеномъ города и его капитуляціи. Своего внука онъ взялъ съ собой по настоятельной просьбѣ послѣдняго. Не удивительно, что славный дѣдъ-казакъ и его внукъ, совершившій несмотря на дѣтскій возрастъ весь походъ 1812 года, были за все время ихъ пребыванія въ Берлинѣ одной изъ интереснѣйшихъ достопримѣчательностей ¹⁾. Радужный пріемъ, оказанный нашимъ войскамъ въ Берлинѣ, сильно ободрилъ ихъ и передался всѣмъ авангарднымъ отрядамъ. 18-го марта, полковникъ *Теттенборнъ* (нѣмецкій уроженецъ Рейнской провинціи, перешедшій съ австрійской службы въ русскую) занялъ съ отрядомъ численностью лишь въ 1.800 человекъ Гамбургъ, выгнавъ предварительно оттуда датскій гарнизонъ. По этому поводу мѣстные газеты писали, что съ тѣхъ поръ какъ стоятъ крѣпостныя стѣны города, Гамбургъ не испытывалъ такой радости, какъ въ день оккупаціи русскими войсками. Подобные отзывы печати сильно не нравились въ Парижѣ и тѣхъ нѣмецкихъ резиденціяхъ, гдѣ царствовали, на правахъ вассаловъ Наполеона I, короли, князья и герцоги Рейнскаго союза. Въ западно- и южно-германской прессѣ стали появляться описанія ужасныхъ „звѣрствъ“, чинимыхъ русскими и въ особенности казаками. Послѣднихъ представляли форменными дикарями-людоедами.

По этому поводу не безинтересно слѣдующее газетное сообщеніе, появившееся въ Саксоніи (кажется, въ Лейпцигѣ) отъ 25-го марта. Шедшій по улицѣ въ Берлинѣ господинъ, нѣкій состоятельный коммерсантъ, по имени *Гизеке*, встрѣтился случайно съ бравымъ, рослымъ урядникомъ—казакомъ съ Дона, въ которомъ тотчасъ же узналъ того начальника взвода, топившаго въ началѣ февралѣ въ окрестностяхъ города Мариенвердера (въ Восточной Пруссіи), вмѣстѣ съ другими товарищами-казаками, двухъ пойманныхъ французовъ въ проруби озера. Господинъ подозвалъ урядника и пригласилъ его въ небольшой рестораникъ для угощенія. Съ помощью переводчика онъ сталъ расспрашивать урядника, за что онъ поступилъ такъ безчеловѣчно съ бѣдными французами, вѣдь все-же они люди, христіане. Казакъ сначала посмотрѣлъ удивленными глазами

¹⁾ Замѣтка изъ берлинской, королевской, привилегированной газеты Шпенера отъ 16-го марта 1813 года. („Königliche [priviligirte] Spenersche Zeitung“).

на вопрошавшаго его господина, а потомъ, нахмуривъ брови, задумался. Наконецъ, хлебнувъ, какъ слѣдуетъ, изъ кружки, онъ и заговорилъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ: „*Когда наши братья, нижній чинъ, украдетъ у здѣшняго жителя, мѣшокъ овса для своей лошади, коровѣй хлѣба для себя или курицу, то за это его наше начальство приказываетъ нещадно бить розгами и даже нагайкой; они-же, эти два француза, несли въ своихъ котомкахъ святоотечественно похищенные изъ храма Божьяго священные сосуды, ризы, воздуги и антиминсы, вдобавокъ они еще отогнали эти священные предметы: для нихъ нельзя было придумать иного наказанія, какъ смерть*“. На второй вопросъ господина Гизеке, почему же казаки въ такомъ случаѣ не прикончили плѣнныхъ своими шашками, урядникъ отвѣтилъ гордымъ тономъ: „*шашка не для того, чтобы убивать человека, не мущаго сопротивляться, шашку нельзя пятнать, она оружіе благородное. Зарубить шашкой женщину, ребенка или беззащитнаго кладетъ на нее клеймо позора*“. Нѣмецкая газета добавила къ отвѣту простого донскаго казака слѣдующее интересное примѣчаніе: Сужденія этого „*сына дикихъ степей*“ даютъ богатый матеріалъ для серьезнаго размышленія. Искреннее религиозное чувство, убѣжденная вѣра въ неизбежность нравственныхъ идеаловъ и врожденное рыцарское понятіе о воинской чести ставятъ его на много ступеней выше равныхъ ему по соціально-профессіальному положенію представителей другихъ культурныхъ расъ. Хотя мы и убѣждены, что далеко не всѣ казаки преисполнены подобныхъ воззрѣній, но все же и такой, быть можетъ, рѣдкій среди нихъ индивидъ дѣлаетъ честь всему сословію. 15-го марта состоялось наконецъ давно проектированное свиданіе Императора *Александра I* съ прусскимъ королемъ въ маленькомъ пограничномъ прусскомъ городкѣ Силезской провинціи, Элсѣ, (Oels). Продолжительная и обстоятельная бесѣда двухъ государей-союзниковъ отразилась замѣтно на душевномъ настроеніи прусскаго короля; онъ сталъ бодрѣе смотрѣть на событія и рѣшительнѣе высказывать свои взгляды.

Всѣ появившіеся за истекшее столѣтіе въ печатанныхъ трудахъ указанія и увѣренія, будто русскій самодержецъ подпалъ на время кампаніи 1813—14 годовъ и послѣ нея подъ вліяніе короля *Фридриха Вильгельма III*—смѣхотворный вздоръ!

Это были настолько діаметрально противоположныя по характеру, складу ума и темпераменту личности, что нужно прямо удивляться, какъ могли онѣ такое, сравнительно, продолжительное время идти рука объ руку. Даже объединяющая обонхъ монар-

ховъ политическими узами вражда къ *Наполеону I* была не одинаковаго свойства силы и происхожденія у каждаго изъ нихъ. Въ то время какъ *Александр I* ненавидѣлъ французскаго императора изъ чувства оскорбленнаго самолюбія, ревности къ его славѣ, какъ полководца и необычайно высокому положенію, занятому имъ въ Европѣ, прусскій король питалъ къ своему безпощадному противнику малообоснованное чувство преврѣнія, какъ къ выскочкѣ и проходимцу. Въ письмахъ къ королеви *Луизѣ* изъ Тильзита въ Мемель въ 1807 году онъ называлъ *Наполеона* не иначе, какъ „*Ganimal*“. Не признавая въ „корсиканцѣ“ даже военнаго генія, *Фридрихъ Вильгельм III* смотрѣлъ на поражение при *Иенѣ* и *Ауэрштедтѣ*, какъ на печальныя случайности, происшедшія по оплошности неумѣлыхъ генераловъ-руководителей и по недостатку мужества у многихъ второстепенныхъ военноподначальниковъ. Несмотря на подобныя чувства и убѣжденія, прусскій король стоялъ за время всей кампаніи, вплоть до перехода черезъ *Рейнъ*, за примиреніе съ *Наполеономъ*; онъ упорно противился вторженію союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи, находя въ этомъ нѣкоторую условную поддержку со стороны своего государственнаго канцлера князя *Гарденберга*, русскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа *Нессельроде* и *Меттерниха* ¹⁾.

Послѣ сформированія резервной арміи въ Польшѣ подъ командой *Бенниксена*, русскія войска вмѣстѣ съ прусскими корпусами двинулись стремительно впередъ. Но на первыхъ же порахъ союзниковъ постигло тяжелое, непоправимое горе. Скончался *фельдмаршалъ князь Кутузовъ-Смоленскій*. Такая чувствительная потеря отразилась сильно на дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствій противъ врага. Не обладая геніальными способностями полководца, *Кутузовъ* былъ тѣмъ не менѣ самая крупная личность не только среди русскихъ военноподначальниковъ, но и всѣхъ прочихъ генераловъ коалиціи. Острота его ума, энергія и дальновидность въ опредѣленія возможныхъ грядущихъ событій придавали сужденіямъ *Михаила Иларіоновича* всегда вѣскаго авторитета. Замѣнить *Кутузова* было положительно не кѣмъ. Храбрый, честный и въ случаѣ необходимости рѣшительный *Барклай-де-Толли* не пользовался такимъ престижемъ въ арміи, какъ скончавшійся его старый боевой товарищъ. Первое столкнове-

¹⁾ Смотри: Воспоминанія государственнаго канцлера князя *Гарденберга*, заданныя и редактированныя извѣстнымъ историкомъ профессоромъ *Леопольдомъ фонъ-Ранке*. (*Denkwürdigkeiten des Staats Kanzlers Fürsten Hardenberg von Leopold von Ranke*).

ніе главныхъ союзныхъ силъ съ наступающими на нихъ вновь, сформированными французскими войсками, подъ начальствомъ самого *Наполеона*, произошло на Лютценской равнинѣ 2-го мая при деревнѣ Гроссъ-Гершенъ и кончилось, несмотря на численное превосходство, отступленіемъ союзной арміи опять за Эльбу. Только во-время подоспѣвшіе русскіе резервы и недостатокъ кавалеріи у *Наполеона*, для преслѣдованія непріятеля, предотвратили полный разгромъ союзниковъ, въ главной квартирѣ которыхъ находились оба монарха. Въ этомъ кровопролитномъ бою пали съ французской стороны маршалъ *Бессьеръ*, а съ прусской—славный генералъ *Шаренбургъ*. Геройская кончина послѣдняго подѣйствовала удручающимъ образомъ на всю патриотически настроенную въ ту пору Германію. Рѣшеніе отступить на правый берегъ Эльбы и тамъ укрѣпиться встрѣтило въ штабѣ главной квартиры союзниковъ общее одобреніе. Главнокомандующій русскими и прусскими войсками, генералъ *Витенштейнъ* представилъ его на усмотрѣніе Императора *Александра*, и тотъ согласился вполне съ высказанными въ немъ доводами. Оставалось еще склонить на эту необходимую мѣру прусскаго короля, что и взялся выполнить русскій Государь немедленно. *Александръ I* засталъ на утро послѣ сраженія *Фридриха Вильгельма III* еще въ постели. Не успѣлъ Императоръ послѣ первыхъ вступительныхъ объясненій произнести слово „отступленіе за Эльбу“, какъ король прервалъ его съ горячностью и раздраженіемъ фразой: „охъ, уже это мнѣ отступленіе, я отлично знаю, чѣмъ оно кончится: сначала за Эльбу, потомъ за Одеръ, а затѣмъ и за Вислу, такъ что подъ конецъ я очутусь опять въ крайнемъ углу моей монархіи въ Мемель.“

Никакія убѣжденія со стороны Императора *Александра* не дѣйствовали на упрямаго короля; онъ сталъ рѣзко критиковать дѣйствія *Витенштейна* и осыпать русскія войска упреками за отсутствіе въ ихъ рядахъ того сказочнаго мужества и легендарной стойкости, *проявленныхъ ими такъ блистательно при Бородинѣ!* Не возразивъ ничего на это довольно безтактное и совершенно ужъ нелогичное замѣчаніе, Императоръ продолжалъ съ поразительнымъ терпѣніемъ и сдержанностью доказывать расхрипевшемуся „*коллежъ*“ необходимость и очевидную пользу отступленія, стараясь въ то же время и успокоить его. Но король не унимался, не переставая въ продолженіи словесныхъ изложеній Императора ворчать себѣ подъ носъ. Наконецъ, приподнявшись немного съ кровати, онъ произнесъ своей привычной, нескладной, обрывистой рѣчью по-французски; „*Votre serviteur,*

excusez-moi, mais je dois quitter mon lit"¹⁾, что было равносильно просьбѣ удалиться изъ покоевъ короля. Такое поведеніе прусскаго короля не вызывало, видимо, въ душѣ *Александра I* ни малѣйшаго неудовольствія, съ философскимъ спокойствіемъ выслушалъ онъ безтолковую воркотню своего союзника и распоряжался за тѣмъ по своему²⁾.

Союзникамъ пришлось отступать не только за Эльбу, но и до саксонской Лужици къ берегамъ рѣчки Шпре и занять у города Бауцена укрѣпленную позицію. Сюда прибыли: 16.000-ный русскій корпусъ *Барклай-де-Толли* и 11.000-ный прусскій подъ командой генерала *фонъ Клейста*. Противъ этихъ наскоро сосредоточенныхъ войскъ *Наполеонъ* двинулся 18-го мая немедленно изъ Дрездена со всей своей арміей, къ которой присоединился еще саксонскій корпусъ, находившійся въ крѣпости Торгау, чтобы нанести окончательный ударъ союзникамъ. Сраженіе 20-го и 21-го мая 1813 г. при Бауценѣ или Вуршенѣ, какъ его нѣкоторые называютъ, было также проиграно союзниками, хотя и безъ особеннаго нравственнаго и матеріальнаго ущерба, такъ какъ они не потеряли ни единаго орудія и ни одного плѣннаго. Но несомнѣнная, тактическая неудача должна была вліять на ходъ военныхъ и политическихъ событій. Назначенный послѣ проиграннаго бауценскаго сраженія вмѣсто *Витенштейна* главнокомандующимъ, *Барклай-де-Толли*, старался склонить Императора *Александра I* къ отступленію всей русской арміи въ Польшу, а затѣмъ и въ Россію (что, собственно говоря, соответствовало общимъ желаніямъ). Онъ прекрасно сознавалъ, да и чувствовалъ, что союзъ съ Пруссіей не имѣлъ подъ собой прочныхъ и естественныхъ основъ. — Слишкомъ плохо согласовались интересы обоихъ государствъ. Постепенное отступление русской арміи въ предѣлы Россійской имперіи, безъ предварительнаго заключенія мира, поставило бы *Наполеона* въ крайне затруднительное положеніе, ибо онъ не зналъ въ точности, что предпринять ему; его войско, состоявшее на двѣ трети изъ несовершеннолѣтнихъ юношей-новобранцевъ, а частью даже изъ подростковъ, не годилось, не взирая на всю проявленную имъ въ двухъ большихъ битвахъ храбрость, для такой трудной, изнурительной кампаніи, какая предстояла бы ему на случай

1) Вашъ покорный слуга, извините меня, но я долженъ покинуть свою кровать.

2) Изъ донесеній королевскаго секретаря Эйхгорна барону Штейну и переписки послѣдняго съ женой.

вторичнаго вторженія въ Польшу по примѣру памятнаго похода 1807 года.

Но *Александръ I* не шелъ навстрѣчу предложенію *Барклай-де-Толли*; онъ питалъ надежду, что ему скоро удастся склонить и Австрію примкнуть къ коалиціи. Попытки бывшаго французскаго посла въ Петербургѣ, *Коленкура*, вступить по приказанію *Наполеона* въ личные переговоры съ русскимъ Императоромъ были отклонены графомъ *Нессельроде*, указавшимъ *Коленкуру* на *Меттерниха*, какъ на желаннаго русскимъ дворомъ посредника для переговоровъ. Что Австрія сильно вооружалась, не было ни для кого тайной; явное ея намѣреніе разыграть при первомъ удобномъ случаѣ роль арбитра не нравилось Пруссіи и возбуждало опасенія *Наполеона*, получавшаго вдобавокъ все чаще секретныя донесенія о возрастающихъ во Франціи попыткахъ къ мятежамъ, происходящимъ вслѣдствіе крайняго неудовольствія населенія къ непрерывно тянувшейся войнѣ. Но и въ нѣмецкихъ государствахъ Рейнскаго союза, равно какъ въ Италіи стала замѣтно шевелиться нѣмѣна, угрожавшая французской арміи съ тыла и фланговъ. При такихъ обстоятельствахъ *Наполеонъ* охотно принялъ предложеніе о перемиріи, заключенномъ 4-го іюня въ селеніи Пойшвицѣ. Выгоды отъ этого перемирія, длившагося почти 6 недѣль, оказались всецѣло на сторонѣ союзниковъ. Положеніе ихъ было несравненно хуже, не только въ стратегическомъ отношеніи, но и вслѣдствіе раздора, интригъ и отсутствія опредѣленной твердой воли въ главной квартирѣ. Ни *Витгенштейнъ*, ни *Барклай-де-Толли* не въ силахъ были бороться съ противодѣйствіемъ, оказываемымъ имъ такими неуживчивыми, задорно-рѣзкими и упрямыми корпусными командирами, каковыми оказались *Йоркъ* и *Блюхеръ*¹⁾. Оба названные генералы не любили подчиняться чужимъ приказаніямъ; особенно часто ссорился генералъ *Йоркъ* съ *Сакеномъ* и *Остерманомъ*. Если бы *Наполеонъ* имѣлъ хоть мало-мальски точное представленіе о господствовавшей въ главной квартирѣ союзниковъ неурядицѣ и глубокоподавленномъ настроеніи прусскаго короля, онъ не согласился бы на перемиріе и воспользовался превосходствомъ своего положенія. Но сильно удрученное нравственное состояніе геніальнаго полководца, вслѣдствіе участившихся ударовъ судьбы, къ числу коихъ

¹⁾ *Историкъ Дройзенъ*: Жизнеописаніе генералъ - фельдмаршала графа *Йорка*.

нужно отнести потерю любимѣйшихъ и преданнѣйшихъ друзей, какъ маршала *Бессіера* (при Гроссъ-Гершенѣ) и генералъ-адъютантовъ *Брюйера* и *Дюрока* (при Бауценѣ) мѣшало ему вникнуть въ положеніе противниковъ и способствовало пессимистическому состоянію духа, видѣвшаго все окружающее въ самомъ неприглядномъ, тускломъ освѣщеніи.

М. В. Станиславскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

